

Эхо далеких лет

4

1. Детство и юность

Ушли годы безвозвратно. Но в памяти до сих пор всплывает трудная доля, выпавшая народу в годы Великой Отечественной войны. У всех, от старого до малого, была одна цель и мечта: выстоять, победить!

Павел Николаевич Баранов помнит, что в то далекое время никто не жаловался на трудности, всем было тяжело и голодно, все были дружны и помогали друг другу...

Жизнь до войны у него была беззаботная: в городе Рыбинске Ярославской области он жил в отдельной квартире с мамой — Татьяной Николаевной. Огорчало только то, что с отцом-кормильцем расстались. Учился в шестом классе. Мама работала токарем на авиационном заводе. Жили и не думали, что впереди их ждут большие испытания. Мурашки побежали по телу, когда из репродуктора прозвучало страшное и незнакомое слово — война. И все равно не представлял он, малец, что война принесет столько горя, страданий, переживаний и слез. Настоящий страх пришел, когда слишком быстро немецко-фашистская армия пошла по родной земле. На шестой месяц войны фашисты уже были на подступах к Москве. По радио передавали: все, что возможно, — снимать, разбирать и переправлять в тыл. Что невозможно — уничтожать, не оставлять врагу.

По решению правительства завод, на котором работала мама, стали демонтировать. Снимали станки, обшивали досками и отправляли в тыл. Первого ноября мама с горечью в голосе сказала: «Мы уезжаем. На сборы дали 24 часа. Поедем с заводом на Урал». Дисциплина была строгая — военный завод. Разрешали брать с собой самое основное, ценное и необходимое. Дорога-то дальняя. На речном вокзале погрузились на баржи. По разговорам — на каждой барже помещалось до тысячи человек. На трехъярусных нарах располагались семьями. Это и стало временным домом. Вниз по Волге караван барж потянул пароход. Ночью плыли без огней, на импровизированных печках готовили нехитрое хлебо. По берегам тянулись побуревшие скошенные поля. Было уныло, грустно и зябко. Студеная осень уже обжигала своим колючим ветром, морозей стекляни лужицы на баржах, с неба сыпала крупа с холодным дождем. На душе было сумрачно и тоскливо, а в глазах у матери была какая-то безнадежная усталость.

В одну из ночей баржи остановились, пароход-трудяга уплыл, оставив баржи в скованном льду. Волга на

зиму стала. Это произошло под городом Пучежем. На баржах пришлось жить больше недели, ждали, пока хорошо станет лед и можно будет выбраться со своими пожитками на берег, в город. В Пучеже прожили еще несколько дней. Но война требовала самолетов. Снова поход. На подводы, запряженные лошадыми, сложили свои пожитки и шли за ними пешком до города Правдинска. Ноги деревенели. Павел падал на остановках в деревеньках и селах и думал, что завтра уже не сможет идти. Но утром — опять дорога. Ноги постепенно привыкли к переходам, но холод и колючий снег не щадили, груди смерзшейся земли рвали обувь...

В Правдинске Павел с матерью поселились у доброй женщины. Она жила вдвоем с дочерью, а муж — воевал. Были несказанно рады двухэтажному щитовому дому. Питались по эвакуационным удостоверениям. В городе прожили около месяца, но все знали, что еще предстоит дорога. Наконец погрузились в теплушки. Вскоре прибыли в Уфу. Первое время жили в бакирском оперном театре. Мама утром с остальными рабочими отправлялась с вокзала в Черниковск, где без стен и крыши уже действовали механические цехи и на токарных станках изготавливались необходимые фронту детали.

Павел Николаевич Баранов вспоминает: «Прошло около месяца, началось расселение по квартирам к местным жителям. Нерадостным было это расселение. Разводящих, которые нас селили, иной раз пугали собаками, но почти все понимали, что пришла беда для всего народа, теснились, принимая нас. Мы с мамой поселились в подвальной комнате у дворника. Его сын Евгений был учеником повара, иногда предлагал пойти с ним и кормил меня щами с капустой. Как они мне запомнились! Казались такими вкусными, что и сейчас иногда ощущаю их запах и вкус. Учебу я свою больше не продолжал, а потому остался с незаконченной шестилеткой. Ходил подрабатывать на поденные работы в речной порт, разгружал баржи с солью и рыбой. Разогнутые кули по 35 кг бросали на транспортер, мы их сносили в склады. Платили натурой. В конце рабочего дня кладовщик широкой деревянной лопатой зачерпывал соль или селедку (залом) и вываливал в сумку. Соли вышло по 30-35 стаканов, а селедки — 3-4 кг. стакан соли на базаре стоил 35 рублей. Каждое утро я приходил в речной порт, кладовщик примечал меня в толпе поденщиков и вызывал — был уверен, что я в работе не подведу. Мы с мамой считали, что жизнь налаживается...»

Пришел 1943 год. Война продолжалась. В Черниковске Павлу с матерью дали комнату в бараке. Ему нравилось докрасна топить печку, варить картошку в ожидании озвешившей мамы. В трубе завывал гуленаветер, но в комнате было тепло и уютно. Павлу шел 16-й год. Уполномоченный латыш взял его поденщиком по заготовке топлива на хлебозаводе. Грузили отрубину — дубовую кору. Платили хлебом, всего четвертинкой булки. Но и это была прибавка к столу. Вскоре, отметив усердие, Павлу устроили на постоянную работу на лесоповал в Красной Бурне — в двухстах километрах по реке Уфимке. Зимой лазали по глубокому снегу и валили лесины. Целый день с напарником пилой-двуручкой обрабатывали стволы, распиливали на метровые швыри (чтобы сразу швырять в топку). Сделавшь в

смену 4,5 куба — причитается хлебная карточка на 800 граммов. Не выполнил норму — 500. К лету Павла повысили — стал работать кочегаром на хлебозаводе. Профессия эта считалась почетной, зарплата — 130 рублей в месяц...

Наступил 1944 год. Война катилась на Запад. А здесь, в глубоком тылу, жизнь шла своим чередом. Павлу принесли повестку: Кировский военкомат Уфы призвал на всеобщую на 4 месяца, где он прошел все азы солдатской работы. Как 17-летнего, Павлу оставили до особого распоряжения на прежней работе. А в январе сорок пятого вновь пришла повестка: 25 января явиться на сборный пункт для отправки. И только в пути следования узнали, что везут в Магнитогорск, куда и прибыли 31 января...

2. У Магнитной горы

Магнитогорск со своим старым вокзалом показался жалким городишком. Не было таких красивых зданий, как в Уфе. Выгрузились, построились, всех проверили по фамильно, в кузовах грузовиков повезли на правый берег. Поселили в бараке по улице Уральской. Месяц были на карантине. Затем зачислили в школу ФЗО-39 на специальность автогенщика. Практику проходили на скрапной площадке копрового цеха, где резали для мартенов металлолом, разделяли в основном военную технику, поступающую с полей войны. Павлу сразу понравилась и пришлось, как под пламенем резака расчленилась и оседала металлоконструкция. Он чувствовал себя властелином...

В июне сорок пятого Павла и всю его группу зачислили в штат копрового цеха. Сейчас только старожилы знают, что скрапную площадку копрового цеха со всех сторон окружали поселки: Старосверный, Новосверный, станция Гранитная, 14-й участок, Средне-Уральск, Бетонитовый. На глазах Павла Николаевича хорошо город, возводилось жилье на правом берегу, расширялся и совершенствовался копровый цех, устанавливались мощные прессы, строились новые колоннады с мостовыми кранами...

— Моя рабочая профессия была нужна всюду, — вспоминает Павел Николаевич Баранов. — Мне часто с друзьями приходилось выезжать на авраль, на ремонты доменных и мартеновских печей, устранять аварийные ситуации. За 38 лет своим резаком я разделал невообразимое количество металлолома. Много лет мы резали по шаблону броневую обшивку для Челябинского тракторного завода. Здесь, в Магнитогорске, я нашел свою любовь — Марию Николаевну, которая также приехала сюда из Ульяновской области. Магнитка — это теперь наша вторая родина. Здесь живут и трудятся мои сыновья. Последние годы своей трудовой биографии я работал в должности бригадира. Под моим началом было 30-35 человек. Бригада всегда была передовой. Наш поэт А. Павлов написал стихотворение о копровом цехе «Шестьсот второй»: «В копровом цехе вечный кавардак, железо всех времен, мастей, обличий...» И я не жалею, что мне досталась профессия копровика...

Остается добавить, что Павел Николаевич Баранов ветеран труда, Ветеран Магнитки, ударник многих пятилеток, имеет правительственные награды...

Быстро летят годы, многих уже нет в живых, но эхо тех далеких и трудных лет не дает ему покоя. Мало пишут и знают о людях, которые в военные годы были эвакуированы из своих родных мест и увезены вместе с заводами. Несправедливо это. Может, у кого-то похожие судьбы? Было бы интересно прочитать в газете об этих людях.

С. ФЕДОРОВ,
ветеран войны и труда.

Занавес таинства открыт

«Палачи и жертвы» — так назвал свою книгу челябинский исследователь-краевед Игорь Георгиевич НЕПЕЙИН.

Книга эта — разоблачение гнусности и жестокости, творимых в 37-е годы в застенках местных и областного органов НКВД. Книга эта — обвинение не только СИСТЕМЫ, но и непосредственных исполнителей — «творцов и коррективовщиков» СИСТЕМЫ на местах.

Особая ценность книги не столько в точных авторских отступлениях, сколько в использованных документах, исключающих всякие иные толкования. Перед читателем предстают в их первоначальном виде протоколы допросов, свидетельские показания, заключения судебных заседаний и приговоры военных трибуналов.

Как в глубокую старину, в зловещие 37-е годы в стране действовал древний классический донос: «СЛОВО и ДЕЛО». Как и тогда, судьба каждого россиянина — гражданина СССР — могла рухнуть по навету. Стоило появиться вольному или невольному признанию кого-либо из истязаемых, как названная фамилия заносилась в список «очередных». Через непродолжительное время новый «пациент» произносил очередную фамилию. Так наступала обвальная цепная реакция.

Протоколы допросов и обвинительные заключения фабриковались пачками. Поначалу следователям давались «наряды» на одно дело в сутки, потом на 3-4 и в конце концов дошло до 6-7 дел. Ни о каком объективном расследовании по делу обвиняемого не могло быть и речи. Следователь заведомо причислял своего «подопечного» к врагам народа, прикандаливая его к печально известной 58-й статье с ее многочисленными подпунктами.

Быстро вершилась человеческая судьба, быстро писались протоколы, иногда чуть ли не под копирку. Следователю некогда было придумывать варианты обвинения, поэтому формулировки «контрреволюционных» причастностей не отличались изобретательностью и были шаблонными: контрреволюционер — последователь Бухарина и Рыкова, контрреволюционер — последователь Рындина и Раскина... А цель у всех «контрреволюционных группировок» одна: свержение Совет-

ской власти и убийство вождя всех народов Сталина.

Подумать только, челябинские, а за ними магнитогорские «контрреволюционеры» Ручьев, Люгарин, Макаров и другие намеревались дотянуться до Москвы, чтобы уничтожить Сталина, Ворошилова и иже с ними!

Все эти нелепые выдумки следователей НКВД глубоко раскрыты обильным документальным материалом, на основе которого и написана книга.

Для нас, магнитогорцев, разрушились тайны и легенды, напластанные в годы умолчания вокруг имен Б. А. Ручьева и М. М. Люгарина. Открыт занавес на сцену игрищ жизни со смертью, давно минувших, но приговоренных навечно остаться в памяти народной.

Как известно, в памяти остаются не только жертвы, но и их палачи, росчерком пера отправлявшие на заклание тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей. Один Чистов П. В., возглавлявший Челябинское УНКВД всего семь месяцев (с августа 1937 по март 1938 годов) санкционировал приговоры на 12 тысяч 480 человек, из которых 5980 человек расстреляны. Автор назвал его «Вампиром» и самым кровавым палачом из всех когда-либо руководивших Челябинским УНКВД. Потом палачи сами стали жертвами, такова логика зла — «зло воздается злом».

Игорь Непейин нашел удачную форму изложения обширного материала, заключенного в десятках томов, прошедших через его руки. Удача заключается в том, что он не взял роль пересказчика, захлебывающегося от обилия рухнувшей на него информации, а сделал упор именно на фактуру. Он выбрал из дел такие документы, которые с краткими авторскими отступлениями и комментариями создают цельность повествования.

Каждый, кто возьмет в руки эту книгу, следуя за автором как за гидом, явственно услышит плач и стоны мучеников, скрежет зубов и злобные выкрики палачей: «Говори!.. Говори!.. Говори!..»

Низкий поклон за это автору и сотрудникам ФСБ области, не пожелавшим скрывать зло и открывшим двери своих спецхранов.

Книга издана в конце прошлого года Челябинским полиграфическим объединением «Книга». Тираж 3000 экз.

В. БАКАНОВ,
член Союза писателей России.